

УДК 821.161.1-4

«ДИКАЯ КРАСОТА И СУМРАЧНОЕ ВЕЛИЧИЕ...».
ПАНОРАМА УРАЛА В ПУТЕВЫХ ОЧЕРКАХ
Вас. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО¹

Владимир Васильевич Абашев

**д. филол. н., профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614022, Пермь, ул. Мира, 33-36. vv_abashev@mail.ru**

Статья посвящена книге Вас. И. Немировича-Данченко «Кама и Урал» (1890), в которой описано его путешествие 1875 г. Уральский травелог Немировича стал важным этапом в истории формирования геопозитического образа одного из важных в истории страны регионов России. В статье анализируются особенности этого образа. Основным принципом формирования образа Урала в очерках Немировича является *панорамирование*. Эффект панорамы создается не только беспрецедентной широтой охвата повествованием пространства региона. Как панорамы строятся в очерках ландшафтно-пейзажные описания. Излюбленный прием Немировича – описание окрестностей с доминирующих высот, что позволяет включить в маршрут путешествия прилегающие местности. Интенсивное использование в очерках чужого слова, в особенности преданий о местных культурных героях (Ермак, Строгановы, Демидовы), резко расширяет временной горизонт повествования. Средоточием уральской идентичности в очерках Немировича оказываются горные заводы. В описании горнозаводского дела: рудников и металлургических процессов – Немирович не только проявляет осведомленность и наблюдательность, но и дает волю поэтическому воображению. Описывая переделку чугуна и выплавку стали в образах космогонии и алхимии, Немирович приближается к созданию своеобразной мифопоэтики Урала. Стилистически в описании уральских заводов Немирович склонялся к эстетически близкому ему романтическому гиперболизму Виктора Гюго. Очерки В.И. Немировича-Данченко дополняли художественное исследование Урала в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка. Их трудами Урал из географической данности превращался в суггестивный топоним русской литературы.

Ключевые слова: В.И. Немирович-Данченко; Д.Н. Мамин-Сибиряк; геопозитика; литературный образ Урала.

Важный аспект уральской литературной истории, как и словесности любого другого региона, – формирование образа этой земли в отечественной культуре [История литературы Урала 2012: 18–22]. Важно проследить, как регион из географической данности превращался в культурный феномен, как ландшафт, накапливая от текста к тексту черты культурной субъектности, становился, как это было с Уралом, «подземным царством рудников и копей», «опорным краем державы» или «хребтом России». Это длительный исторический процесс, вплетенный в движение демографического, экономико-производственного, путешествивного и исследовательского освоения новой земли.

В истории формирования образа территории важен момент, когда после «лабораторного» накопления образно-символических репрезентаций в специализированной словесности [Анисимов 2006; Власова 2013] этот образ через популярное чтение становится достоянием широкого читателя. Только тогда можно считать, что образ территории вышел из лабораторных условий существования и вошел в общий культурный оборот.

Знакомство широкого русского читателя с уральской страной можно датировать с точностью до десятилетия: это 1880-е гг. и, наконец, решающее время – рубеж 1880–1890-х гг. Главные лица в истории литературного открытия Урала – Д. Н. Мамин-Сибиряк и Вас. И. Немиро-

вич-Данченко. Один – коренной уралец, другой – столичный писатель. В 1888 и 1889 гг., завершая период многочисленных журнальных публикаций, один за другим вышли в свет два тома «Уральских рассказов» Д. Н. Мамина-Сибиряка. Годом позднее была издана книга очерков В. И. Немировича-Данченко «Кама и Урал». Очерки, из которых она была составлена, до этого были также разбросаны по журналам и газетам 1880-х гг.

Практически одновременный выход книг об Урале не был случайным. Со значительной долей уверенности можно предположить, что именно появление «Уральских рассказов» Мамина-Сибиряка заставило В. И. Немировича-Данченко поспешить собрать в книгу очерки своего уральского путешествия. Он объехал Урал еще летом 1875 г. Его путевые очерки публиковались циклами, начиная с 1877 по 1884 г., в журналах «Дело», «Русская речь» и «Исторический вестник», в газете «Русские ведомости»². Как видим, с середины 1880-х Немирович к ним не обращался, а тут вдруг собрался с книгой. И, скорее всего, с ревнивой оглядкой на Мамина.

Краткое предисловие к «Каме и Уралу» такую версию поддерживает, обнаруживая мотив писательского соперничества. Немирович хотя и отдал в предисловии должное уральскому писателю: «русская литература <...> обогатилась прекрасными сочинениями об Урале г. Мамина» [Немирович-Данченко 1890: 3], но акцентировал все же свой приоритет и актуальность собственной книги. Во-первых, отметил, что путешествовал по Уралу еще в 1875 г. Во-вторых, подчеркнул, что ничего нового с тех пор об Урале не было сказано: «все, что приходилось читать об этом крае, за последние десять лет, являлось для меня знакомым» [там же: 3], а потому и его очерки «не устарели».

Ситуация соперничества, вероятно, была взаимной. Мамин ревниво следил за уральскими публикациями Немировича и как к живописателю Урала относился к популярному уже столичному писателю с иронией и недоверием. Красно речивое свидетельство такого отношения проявилось в цикле путевых очерков «От Урала до Москвы». Они печатались с октября 1881 по февраль 1882 г. в газете «Русские ведомости». Заметим, что параллельно маминским очеркам в журнале «Русская речь» с сентября по декабрь 1881 г. публиковался цикл путевых очерков Немировича «Урал»³.

Мамин на эти очерки отреагировал. Описывая берега Камы близ Перми, он упомянул «жалкие кусты» на правом берегу и тут же заметил в сноске: «Это тот самый дремучий сибирский лес,

который привел в восхищение г. Немировича-Данченко, когда он любовался Камой» [Мамин-Сибиряк 1951: 221]. Коренной уралец, знаток здешних мест и трезвый наблюдатель реальной жизни, он язвительно поправил самоуверенного столичного туриста с его поверхностным взглядом и склонностью к литературным эффектам, что было принято вменить в вину Немировичу с “тяжкой” руки сурового Н. К. Михайловского [Михайловский 1877].

Однако приходится признать, что в данном конкретном случае Мамин был предвзят и неправ. Описание Немировича и до сих пор визуально точно. А все потому, что, как и Е. А. Вердеревский за 40 лет до него [Вердеревский 1988: 111], Немирович осматривал закамские дали с высокого берега Камы, а не с палубы парохода, как Мамин. Отсюда и разница в картине. Но красноречива, как улика, пристрастность замечания. В Немировиче, как авторе уральских очерков, Мамин увидел литературного соперника, претендующего на его писательскую территорию.

Между тем у Немировича все же были основания претендовать на первенство в открытии Урала. Не только потому, что он по праву чувствовал себя первопроходцем темы, не только потому, что на рубеже 1880–90-х гг. Немирович был, пожалуй, более известным и уже популярным журналистом и писателем. Но главное, что в очерках Немировича собственно образ Урала развернут с большей полнотой и художественно-образной интенсивностью, чем в «Уральских рассказах» Мамина. И дело тут не в масштабе таланта, а в авторской интенции и в жанровом содержании. Немирович писал путевые очерки, изначально предполагающие сосредоточенность на поисках *Couleur locale*: «Меня давно манило в самую глубь Урала...».

Существенную роль играла также степень текстовой концентрации. В сущности, и содержательно, и стилистически Немирович и Мамин во многих отношениях близки, но то, что у Мамина рассеяно по многим текстам, у Немировича сфокусировано в одном большом произведении. Да и такой знаток Мамина, как И. А. Дергачев, замечал, что в большинстве рассказов первого тома собственно уральского у Мамина немного. Мамин повествует «о путях и судьбах передовой русской интеллигенции в условиях политической реакции новых социальных антагонизмов» [Дергачев 2005: 48]. Только во втором томе в очерках «Бойцы» и «Золотуха» Мамин, по словам того же И. А. Дергачева, рассказывая о сплаве по Чусовой и уральских золотых приисках, обращается к самобытно уральским темам и колориту.

Было у Немировича еще одно – и решающее – «преимущество»: преимущество позиции внешнего наблюдателя. Фигурально это преимущество проявляется в ситуации с видом Закамья: с высокого речного берега открывался лесной океан, с палубы парохода замечались «жалкие кусты» на низменном берегу. Мы имеем в виду преимущество взгляда со стороны. Немирович на Урале в силу естественной позиции внеаходимости оказывался более чувствительным к специфике чужой для него жизни и к особенностям нового ландшафта. Обострял силу взгляда и опыт путешествий. До поездки на Урал Немирович основательно изучил русский Север, путешествовал по Волге и Каспию, бывал в Малороссии и на Кавказе и обладал, как показывает его путевая очеркистика, развитым чувством места [Rose 1995].

Важно подчеркнуть, что именно определение авторской позиции или установка взгляда в очерковой книге Немировича становятся предметом особой авторской рефлексии. Взгляд и позиция Немировича в отношении к малоизвестному уральскому миру выстроены в повествовании в осознанном и принципиальном дистанцировании от позиции, олицетворенной типом петербургского чиновника, приехавшего на Урал с «ученой целью». Не однажды в разных обличьях он встречается на страницах книги – и в натуре, и в рассказах попутчиков. Петербуржец характеризуется тем, что высокомерно не видит, не замечает здешней жизни. Впервые этот персонаж появляется в главке XIII «Вверх по Каме...»:

«Между нами оказался чистокровный петербуржец. Шляпа точно сейчас из витрины у Брюно, щегольской сюртучок, какие-то прюнелевые летние ботинки. *Монокль* в глазу (курсив наш. – В.А.) и на лице улыбка снисходительного благоволения ко всему окружающему.

— Вы куда? – спрашивают его.

— Командирован! И в голосе слышится: вы де со мной поосторожней.

— Зачем?

— С уче-но-ю целью! – отчеканил он, точно сверху вниз» [Немирович-Данченко 1890: 145].

На ритуальное одобрение собеседников из местных: рады, мол, что о них вспомнили, – ученый петербуржец замечает с раздражением: «У вас ничего не увидишь!» Оказалось, что гостеприимные уральцы от «ученых» запросов петербуржца отделяются обильными бедами и ужинами. И тому есть вынесенный из опыта общения с высокопоставленными особами резон. «Вы <...> на нашего спутника полюбуйте, – делятся попутчики с повествователем, – ишь у него пале-вые прюнелевые ботинки; ну как он в них по

нашим горам полезет. Неужели в своей жакетке в рудники опускаться станет? <...> Мы ведь видим, кому что нужно. Явится этаким ветер, ну, угостим обедом, честь честью <...> и ступай себе дальше. Вы копните-ка его. Думаете, действительно интересуется чем. Ни Боже мой! Для него вопрос: скоро ли его камер-юнкером сделают, гораздо интереснее всяких других соображений. А тоже – «с ученою целью» [там же: 146]. Собеседникам Немировича на камском пароходе вторит позднее ямщик, везущий автора на Косьву. Ему тоже приходилось иметь дело с учеными петербуржцами: «Много знают ваши ученые, много они видели... Помалкивай уж... Вон они какие – чуть дорога похуже, лягут на брюхо <...> Эдак мало усмотришь» [там же: 378].

Тип чиновного петербуржца не раз всплывает в рассказах Немировича об Урале, неизменно олицетворяя позицию, которую в беседе с путешественником резюмирует управляющий заводами кн. Абамелек-Лазаревой Н. Н. Новокрещенных: «В Петербурге не только не знают России, но и не заботятся узнать ее» [там же: 474]. Это взгляд, который высокомерно не замечает ничего вокруг себя, уверенный в собственном превосходстве. И *монокль* петербуржца не столько оптическое орудие, умножающее возможности зрения, сколько маркер социального превосходства.

Дистанцируясь от такой политически, социально и психологически мотивированной позиции высокомерной слепоты и нежелания знать, В.И. Немирович-Данченко в качестве повествователя декларирует стратегию пристального и солидарного с окружающим вглядывания в новую малоизвестную землю и своеобычный уклад жизни ее обитателей. «Зорко присматривался», «всмотрелся <...> еще с большим интересом», «внимательный взгляд туриста» [там же: 27, 249, 432], – такими автокомментариями, подчеркивая внимание и пристальность взгляда, комментирует Немирович свое поведение в ситуациях путешествия.

Он пристально всматривался в окружающее, что и позволяло различать и живописный красочный слой своеобразной местной жизни, и ее второй план. «Опять пошли меловые горы, – любителю он камскими берегами. – Вон две бабы всползают вверх. Точно два маковых цветка, от кумачного платья, в которое они одеты. Посмотрел я в *бинокль* (курсив наш. – В.А.). Прodelают ступеньку, станут на нее и следующую высекают. Танталов труд» [там же: 147]. За красочной подробностью ландшафта – алые пятна на белоснежном фоне – скрывается социальная подоплека: женщины заняты тяжким и опасным трудом на добыче известняка. Оптические инстру-

менты – *монокль* у петербуржца, *бинокль* у путешественника – в контексте темы выступают как метафоры качества и остроты взгляда, общего отношения к жизни.

Уроки пристального взглядывания дают повествователю его попутчики, люди из гущи той самой жизни, которую он стремится узнать. С таким «героем зрения», мастером взглядывания и всматривания он встречается в самом начале путешествия, в очерке «Лоцман Терентий», открывающем книгу: «Дно – он точно ладонь свою видит, все выпуклины, гребни, морщинки на нем ясны ему до того, что умей он взять в руки карандаш, начертит бы их безошибочно» [Немирович-Данченко 1890: 9]. Лоцман различает симптомы глубины на поверхности: по оттенку цвета воды, по особенностям течения и десяткам других, одному ему видимых, примет. Он безошибочно различает очертания и детали судна, которое чуть показалось на горизонте. «Ему и бинокля не надо» [там же: 14], – комментирует капитан парохода. Такое «напряжение внимания» [там же: 10] вызывает неподдельное восхищение повествователя: «Зоркость необычайная и для меня <...> непонятная» [там же: 14]. Такой же урок непостижимой зоркости он получает у кизеловского старожила, восьмидесятилетнего старика: «А ты посмотри. Тут главная причина – смотреть надо, и тогда откроется тебе» [там же: 223].

В опоре на собственный взгляд и в солидарной общности с народным опытом видения и понимания жизни повествователь резюмирует свою стратегию взглядывания в уральский мир: «Я смотрел на уральскую действительность не сквозь одни свои *очки* (курсив наш. – В.А.): мне помогали в этом деле все, начиная от простых рудокопов и кончая заводскою администрацией» [там же: 218].

Так обеспечивается и поддерживается общая интенция литературного путешествия Немировича-Данченко в Прикамье и на Урал – охватить в максимальной широте и подробностях жизнь неведомой еще земли с ее яркой и суровой природой и сложившимся своеобразным укладом жизни и открыть ее России. Как аспект этой общей интенции рождается стремление привлечь, заинтересовать читателя. Вот Немирович озирает с восторгом причудливое и в свете заката кажущееся фантастическим нагромождение скал на реке Косье и недоумевает, почему эту красоту никто не знает? «Протираешь глаза себе – куда попал я? Неужели это уголок России? Отчего же где такой здоровый воздух, такие чудные окрестности, такие поэтические виды, – отчего сюда не направляются наши скучающие тури-

сты?...», – задается он до сих пор актуально звучащим в России вопросом [там же: 433, 434]⁴.

В итоге усилий к познанию России и русского человека в его особом уральском складе Немировичу-Данченко удалось создать впечатляющую, исполненную «дикой красоты и сумрачного величия» [там же: 430] картину Уральской страны (о регионе-стране см.: [Крылов 2010: 41–42]). Именно так. Очерки Немировича открывают читателю целый своеобразный мир, где «в вечном мраке рудника гном-человек ценою невероятных усилий отнимает у земли ее глубоко схороненные сокровища; где одинокие старательские артели в глуши дремучих лесов по целым месяцам выживающие у золотоносных рек, еще не намеченных даже на карте; где высокие горы стали на самый рубеж студеного сибирского царства, точно заслоняя Россию от его ледяного дыхания» [там же: 617]. Собственно, это пусть и отмеченная некоторой публицистической риторичностью, но все же первая геопозитическая формула Урала, предваряющая его будущее определение вплоть до «хребта России» [Абашев 2009].

Основной принцип изображения Урала в очерках В. И. Немировича-Данченко можно определить как панорамность. Прежде всего, на уровне предмета изображения: очерки отличает панорамность путешественного охвата пространства. Маршрут Немировича впечатляет пространственным охватом региона. На пароходе из Нижнего Новгорода Волгой и Камой он добрался до Перми, оттуда пароходиком же поднялся вверх по Каме до строгановского Усоля. Из Усоля долиной реки Яйвы доехал до Кизела, где надолго остановился. Живя в Кизеле, объездил его окрестности: посетил Александровский завод, Луньевку и Шабурное, т.е. Всеволодовильву. Покинув Кизел, перевалив через гору Белый Спай, Немирович добрался до поселка Няр в среднем течении горной реки Косье. Из Няра на лодке-«душегубке» с двумя гребцами поднялся вверх по реке до Троицкого рудника. Оттуда вернулся в Няр, где снова нанял лодку и по Косье, минуя Губаху, спустился до Камы и заехал в Чермоз. Из Чермоза он вернулся в Пермь, а оттуда Сибирским трактом через Кунгур, Суксун, Бисерть и Билимбай доехал до Екатеринбургa и объездил его окрестности. Из Екатеринбургa Немирович отправился в Верх-Нейвинск, оттуда в Невьянск, потом в Нижний Тагил, далее в Верхнюю и Нижнюю Салду, объезжая демидовские заводы и рудники. Даже если не считать водный путь до Перми за 3 месяца, с конца мая до начала сентября, Немирович проехал не менее полутора тысяч верст по Прика-

мью и Уралу: где экипажем, где на подводе, где на лодке-душегубке, а где и пешком.

В беглом обзоре маршрута мы назвали только его опорные точки. Между тем в повествовании каждая такая точка становится центром обзора окрестностей. Немирович по пути замечает и втягивает в повествование, где более развернутым описанием, где беглым замечанием или простым упоминанием, десятки соседствующих поселений, гор, речек, урочищ. Это важный компонент повествования у Немировича – насыщенность топонимами. «Только до одной Ослянки и Няра, по тому пространству, по которому мы только что проехали, – рассказывает Немирович-Данченко о сплаве по горной реке, – Косьва приняла в себя более двадцати речек. <...> Рассольная, Большая Чирковая, Малая Чирковая, Ершовка, Гремяча, Малая и Большая Усвинки, Госкаиха, Рассолка, Сухая, Ломовая, Ослянка, Ташковка, Полуденная – одна красивее другой» [Немирович-Данченко 1890: 430]. Перечни топонимов создают впечатление развертывающейся в путешествии карты Урала. Сотни топонимов размечают пространственные перспективы повествования, связывая ход рассказа с географией местности, вписывают точку или локус путешествия в сетку координат географической карты.

Панорамность как повествовательный принцип не исчерпывается, конечно, пространственно широким охватом территории и ее художественным картированием [Абашев, Фирсова 2010: 98, 99].

В приведенном выше суммирующем описании, где Урал предстает царством рудников и золотых приисков, щитом, берегущим Россию от «леденящего дыхания» Сибири, присутствует ясное видение этой земли в общей геопанораме России. И это принцип повествования. Рассказывая об Урале, В.И. Немирович-Данченко соотносит виденное с другими краями России, прежде всего с хорошо знакомым ему Поморьем и Волгой⁵, берега Камы он сравнивает с волжскими и берегами Донца, находя то сходства, то различия. Показательно в этом смысле вызвавшее сарказм Мамина-Сибиряка описание лесных закамских далей из Набережного сквера в Перми: «Не оторвешься от них, как не оторвешься от картин Заволжья с нижегородского откоса, от саволакских далей с горы Пойю в Финляндии, от вида Подола и Заднепровья в Киеве...» [Немирович-Данченко 1890: 134]. Река Кизел напомнила путешественнику «Тириберку на Мурмане», хотя «последняя обставлена более грандиозными массами полярных гор» [там же: 216], а цветы шиповника, заполнившего долину Яйвы, оказались гуще цветом, чем виденные в Лапландии. Срав-

нивая виды Урала с другими местами, Немирович вводит их таким образом в широкий ряд ландшафтной типологии России.

Панорамность у Немировича – принцип повествования, действующий и на уровне структуры повествования, и на уровне отдельных его компонентов. Он проявляется, например, в ландшафтно-пейзажных описаниях. В.И. Немировича-Данченко любит именно панорамные описания окрестностей с вершин гор и холмов. Выразительны описания вида долины Яйвы с горы у деревни Камень, панорамы окрестностей Кизела с вершины Коршуновской копи, вида на вершины Уральского хребта с вершины горы Белый Спай, вида излучин Косьвы и горы Ослянки из дома управляющего Троицким рудником, вида с Суксунской горы, панорамы Екатеринбурга с Плешивой горки, панорамы Верх-Нейвинска и его окрестностей с Сухой горы [там же: 206; 264, 264; 376, 377; 415, 416; 524, 525; 588; 642].

Для подобных описаний характерно особенное внимание к ориентации в пространстве. Развертывая описание, Немирович всегда располагает детали видимого ландшафта относительно наблюдателя, фиксирует их ориентацию по сторонам света, меняет планы от общего до крупного: от мерещащихся далее до внезапно укрупненной, словно рассмотренной в бинокль, детали. Он строит зримую карту окрестностей, как бы втягивая в линию маршрута окружающие его просторы.

«Внизу под нами Косьва, – развертывает Немирович описание вида из дома управляющего Троицким рудников, – делает пять излучин и образует два прелестных острова <...> Налево гора Троицкая, вся изрытая рудниками, за ней вечные снега и ягелевые пастбища Ослянки... Противоположный берег тоже весь заставлен горами. Это какой-то хаос скал, лесистых склонов, голых вершин... Быстро течет мимо них река, гремя в бесчисленных переборах. Вода до того чиста, что мы отсюда под солнечными лучами видим дно ее, с высоты полтораэта фута... Узенькие душегубки (тип лодки. – В.А.) замерли у берега, рядом тоже замерла засмотревшаяся в воду хорошенькая девочка. Под ее ногами река делает маленький каскад, и ребенок смотрит – не насмотрится» [Немирович-Данченко 1890: 416]. Здесь хорошо проявляется важный конструктивный принцип описаний Немировича: он вводит читателя в оптическую работу разглядывания окрестностей, подчиняя описание блуждающему движению взгляда. Иными словами, повествователь вовлекает чита-

теля в собственную работу визуального конструирования ландшафта.

Ландшафтно-пейзажные фрагменты Немировича хорошо иллюстрируют мысль исследователей поэтики пространства, что конститутивным элементом места как феномена культуры является «усилие, которое прилагает созерцающий субъект», что наблюдатель «создает бытие места, обращая на него свой пристально разглядывающий взор» [Ottum 2012: 179]. Важно и то обстоятельство, что погружение в сиюминутную ситуацию рассматривания ландшафта придает описанию спонтанность и свежесть, помогая преодолеть нередкую у Немировича литературную банальность определений вроде «прелестный» и т.п. Этот принцип делает возможным сближение в одном абзаце далекой заснеженной вершины горы Ослянки с водоворотом речных струй вокруг ног ребенка, вызывая эффект первоизданности вида.

Принцип панорамности сказывается не только в многочисленных ландшафтно-пейзажных описаниях. На уровне структуры повествования ее обеспечивает также интенсивное использование чужого слова. «Смотрел на уральскую действительность не сквозь одни свои очки, мне помогали в этом деле все, начиная от простых рудокопов и кончая заводскою администрацией» [Немирович-Данченко 1890: 218], – означает, в частности, что В. И. Немирович-Данченко максимально расширяет охват действительности, включая в свой рассказ чужие рассказы.

Немирович насыщает повествование рассказами встречаемых им в путешествии людей, стремясь воссоздать их слово в индивидуальном речевом колорите. Некоторые из таких рассказов образуют целые вставные новеллы, как, например, рассказ помещика-любителя псовой охоты о том, как он променял любовницу на пса Зефира, или рассказ о камской разбойнице Фелисате, быличка о Демидове, который подстрелил лебедя и тем самым, как оказалось, смертельно ранил свою красавицу-любовницу [там же: 89–90; 449–452; 461, 462]. Художник щедро расцвечивает колоритными историями свое повествование, явно любясь цветистостью речевого материала. Но важно другое. Жадно вслушиваясь в рассказы уральцев, записывая их, Немирович погружается в стихию местного мышления, выделяет и акцентирует важные константы этого сознания, запечатленный в рассказах образ мира.

Разорившиеся помещики и чувствующие себя хозяевами жизни купцы, управляющие заводами и инженеры, ямщики, лесорубы, рабочие заводов и рудников, старатели, крестьяне и выбившиеся из привычной жизненной колеи колоритные чу-

даки, – их личные истории, рассказы о производстве и экономике, о ремесле, бытовых обычаях и происшествиях, а также местные легенды и предания широко раздвигают рамки повествования. В том числе и пространственные. Рассказы попутчиков и проводников вводят в рассказ Немировича новые географические горизонты: «Мой спутник был старожилом кизеловского завода. На сотни верст кругом не нашлось бы холма и утеса ему неизвестного» [там же: 218]. Рассказы золотоискателя Егора Ивановича Жмаева – от них «веет простором и привольем сибирской тайги» – заставляют повествователя живо вообразить золотоносные реки, «засыпанные снегом вершины сумрачных гор и ропот океана у отвесных скал Камчатки» [там же: 607].

Принципиально важную роль в очерках играют легенды и предания об уральской старине. В. И. Немирович-Данченко влетает в свое повествование десятки рассказанных ему попутчиками легендарных рассказов о деяниях Ермака, Строгановых, Демидовых. В итоге временной горизонт повествования резко расширяется, удаляясь ко времени культурных героев русского Урала, его первостроителей. При этом рассказы о культурных героях связываются с урочищами, приобретая тем самым зримую пространственную проекцию: «Начиная от Елабуги и выше, что ни место – то былина» [там же: 70]. Каждое урочище становится *уроком*, рассказом, ове ществленным в ландшафте, – в нагромождении скал, в пещере, повороте реки: «Тут Строгановы татар били, там татары поймали Строгановых и мучили их, вымогая признаний, где зарыты их сокровища. Вон на этой горе они изжарили на медленном огне старика, а рядом один из Строгановых схватил изуверов и двенадцать человек их закопал живьем в землю... Три дня головы их виднелись над нею, пока несчастные не погибли в страшных мучениях. Народ здесь, как и везде. Что бы кем ни было сделано – припишут Строгановым, что бы с кем ни случилось – случилось со Строгановыми. Бил какой-нибудь «разбойный» человек мирные поселки пермяков – это Ермак» [там же: 561, 562]. Существенен эстетический итог насыщения повествования местными преданиями: «Миром легенд кажется вся эта даль, заставленная мрачными горами» [там же: 561].

Своими путевыми очерками В. И. Немирович-Данченко открывал богатый нарративный потенциал Урала. В щедрой россыпи сотен чужих рассказов, рассеянных по повествованию, встречаются сюжетные мотивы, которые впоследствии будут развиты в прозе писателей Урала. Так, в рассказах о Ермаке обнаруживается сюжет бу-

дущего бажовского сказа «Ермаковы лебеди»⁶, в рассказе о встрече в медном руднике в Нижнем Тагиле встречаем сюжетный мотив, который будет развит в сказе «Таюткино зеркальце»⁷. В разговоре с рабочим на Кизеловском заводе возникает даже параллель к «Доктору Живаго»: к преданию о кузнеце Вакхе, выковавшем себе железное нутро⁸.

Но помимо развернутой пространственно и исторически панорамной картины Урала в очерках В. И. Немировича-Данченко есть нечто иное – масштабное художественное обобщение об уральском мире. «Меня давно манило в самую глубь Урала», – в этих словах, кроме их прямого смысла, находит выражение замысел найти сущность, тайну горной страны. Очерки Немировича объединены в единое, развивающееся целое как маршрутом путешествия, так и пунктирно намеченным сюжетом поисков подлинного Урала, «погружения в глубину». Эту подлинную глубину Урала он находит в рудниках и на заводах у доменных печей и бессемеровских конвертеров.

Не только природные ландшафты служили источником сильных эстетических переживаний Немировича, но и своеобразная, потрясающая нечеловеческим размахом поэтика горнозаводского дела. В очерках встречается замечательная в своем роде формула: «техническое дело [на Урале] принимает сказочные размеры» [Немирович-Данченко 1890: 738]. И другое важное замечание, характеризующее авторское видение: «Я <...> был потрясен <...> обстановкой заводского дела, его картиной, его художественным целым» [там же: 738]. «Художественное целое» Урала открывается Немировичу в органической связи природных ландшафтов и горнозаводского производства, природы и трудовой жизни здешнего человека.

Как каждый камень и скала оказываются окаменевшей историей, так и каждый рудник является хранителем тайны. Спускаясь в рудник, повествователь находит на его сводах таинственные письмена: «При свете взятых с собою свечей изломы угля ярко светились на черных стенах штольни. Казалось, в подземном царстве открылся нам волшебный грот с таинственными надписями, звездообразными знаками, непонятными символами, скрывающими под своими причудливыми зигзагами тайны, недоступные смертному. Символами этими были изборождены и своды грота. Следы ударов от кайл повсюду. Можно подумать, что в этой черной, подземной пещере было заключено какое-то громадное, могучее чудовище, в бессильной злобе исцарапавшее стены своими сильными железными когтями» [там же: 266].

В этом фрагменте на глазах происходит переключение с плана воображения в план действительности и обратно. Сначала открывается «волшебный грот с таинственными надписями», затем уже надписи объясняются прозаической причиной – следы ударов кайла, но сразу за этим включается тератологическое объяснение – следы железных когтей чудовища, заключенного в пещере. Кстати заметим, что на подобном переключении горизонтов от действительности к воображению и обратно строится масса описаний Немировича. Как раз в описании горнозаводского дела – рудников и металлургических процессов – Немирович не только проявляет осведомленность и наблюдательность, но и дает волю поэтическому воображению. Именно таким способом и создается образ Урала.

Особенно примечательны для анализа очерки «Огненные змеи и железные люди» о Кизеловском заводе и «Храм Бессемера и таинство претворения» о металлургическом производстве в Нижней Салде, но можно также привести очерк «Домна» и множество фрагментов с описаниями рудников и металлургических заводов.

В очерках о металлургических процессах Немирович ближе всего подходит к мифопоэтике Урала. Переделка чугуна в железо и выплавка стали изображаются им то в терминах космогонии, то в терминах таинственного сакрального архаического культа, а порой, и это особенно интересно и важно, он делает отсылку к представлениям об алхимическом процессе. Вот так выглядит космогоническая интерпретация металлургического процесса: «Воображение невольно работало, подсказывая сравнения, создавая целые картины. Эта громадная черная лаборатория превращалась, раздвигаясь, в лабораторию миров, где неведомые существа ковали из огня и железа мириады звезд, разбрасывая их снопами, струями и ливнями во тьму еще неодоухотворенной вселенной. В высоте чудится присутствие господствующего духа. Действие первых сил, творящих и созидающих, выражалось в страшном грохоте, в свете газов, стремившихся занять свое место в пространстве, в ударах раскаляющихся чудовищных метеоров, в стихийном шуме световых тел, носившихся в высоте. Материал, из которого создавались все эти тела, казался неистощимым. Огненные печи творящего божества выпускали его без конца. А мириады звезд все дальше и дальше уносились в бесконечность, в пространство, которому еще не создано ни меры, ни уподобления. Работа шла без усталости. Руки прикованных к этим мировым очагам чудовищ не знали напряжения, не знали пределов своей силы. Мне казалось, что вот-вот и я

сейчас же понесусь вслед.

– Ты опять пьян! – раздалось над самым ухом.

Мировой лаборатории как не бывало. С небес я стремглав слетел на землю. Действительность, одна действительность была кругом» [Немирович-Данченко 1890: 249, 250].

Автор на глазах читателя переключает горизонты повествования, но иронические отсылки к действительности не отменяют ни яркости, ни интенсивности образной ткани, ни мифопоэтической перспективы, открывающейся в сравнениях Немировича. Не отменяют, потому что воображение не произвольно, оно проникает в подлинную символическую глубину предмета.

Очень важны алхимические коннотации в очерке «Домна», и особенно ярко они проявлены в очерке «Храм Бессемера и таинство претворения». И в том и в другом металлургический процесс описан в терминах «древнего таинства языческого культа» [там же: 238], и домна или конвертер Бессемера представляются «храмом, в котором совершается чудное таинство претворения никуда не годной горной породы в металл» [там же: 239].

Эти коннотации в очерке «Храм Бессемера» особенно очевидны и само описание системно. Здесь домна, пристроенная к скале, напоминает какое-то «вавилонское сооружение»: «железная пещера», где установлен конвертер Бессемера, превращается в «языческое капище невидимого, но страшного бога», главный инженер – в жреца, техники – в таинственных алхимиков [там же: Урал, 738; 740; 741; 742], а сам процесс бессемерования чугуна становится священнодействием, родственным космогоническому процессу. В металлургических очерках Немирович-Данченко кажется максимально близким к универсальной мифопоэтике кузнечного и металлургического дела, завораживающе описанной Мирча Элиаде в работах «Вавилонская космология и алхимия» (1937) и «Кузнецы и алхимики» (1956) [Элиаде 1988: 78–140; 141–270].

Стоит отметить, что в очерке «Храм Бессемера» встречается отсылка В. И. Немировича-Данченко к стиливому ориентиру фантастических описаний, – это поэтический эпос Виктора Гюго. Если бы знаменитому французу довелось побывать в металлургическом цехе уральского завода, он бы, не сомневаясь Немирович, «нарисовал бы поразительно грандиозную картину рождения звезд и планет из общей стихийной жидкости» [Немирович-Данченко 1890: 742]. Скорее всего, Немирович имел тогда в виду космические видения в поэмах «Бездна» (*Abîme*), «Комета» (*La Comète*) и *Là-haut* («Наверху») из второй серии «Легенды веков», вышедшей в

1877 г. Здесь, в «Легенде веков», как считают знатоки французской литературы, Гюго «добился небывалого роскошества живописных образов, блистающих феерических картин и пылающих красок» [Евнина 1973: 23], уподобляя воображение поэта «виденью творца вселенной, созерцавшего мир сквозь время и пространство» [Моруа 1980: 370]. В описании уральских заводов Немирович явно склонялся к эстетически близкому ему романтическому гиперболизму Виктора Гюго. Знание творчества французского поэта проявляется и в других местах повествования.

В очерках Немировича намечена основа своеобразной теллурически ориентированной уральской антропологии, которая получит развитие и в прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка [Абашев 2009]. Место и дело, мастерство определяют тип человека, его характер, даже его телесность. Кровная, телесная связь человека с недрами – вот принцип этой художественной антропологии. «В каждом горнозаводском округе выработался свой народный тип, – замечает Немирович, – Рабочие из Луньевки, Александровского и Кизеловского заводов очень непохожи на таких же в Невьянске или Кыну. Работая на одном и том же деле, они складывались при чрезвычайно различных условиях» [Немирович-Данченко 1890: 704].

Немирович замечает, что уральцы «по своим нравственным качествам» резко делятся по двум главным отраслям горного производства: металлурги и золотоискатели. Металлург «так же не похож на лихорадочного, беспокойного золотоискателя, как, например, мексиканец не похож на неразговорчивого, спокойного американца-скваттера» [там же: 635]. «Золото, – продолжает размышлять Немирович, – <...> роковым образом влияет на людей, добывающих его из недр земли. Кажется, что это именно тот бесовский клад, который, по зароку схоронивших его убийц, нельзя получить, не оставив на его месте <...> своей души» [там же: 635].

Размышление о людях железа развертывается у Немировича едва ли не в миф. Железо, приводит он уральскую поговорку, – «металл строгий». «Железо дает <...> целые поколения сумрачных и строгих людей, которым чужды санвиническое легкомыслие старателей и их покладистая совесть. <...> На железном деле люди много думают, имеют зачастую дело с машинами; сверх того, если верить местным психологам, своим внутренним организмом складываются в твердые, стойкие формы, как будто чугун и железо передают им свои основные качества» [там же: 635].

Немирович записывает рассказы, демонстри-

рующие особый склад восприятия и мышления у «железных» людей. Например, рассказ о своеобразных заводских «поэтах», замороженных магией металлургического процесса. У плавильных печей встречаются рабочие, видящие в «переливах огня, в сверкающей массе металла, всевозможные образы. То река льется в серебряных берегах и вырастают на них золотые дворцы и храмы. То море из белого пламени разливается шипучими волнами; ходят над ними морские чудовища, огненная буря шумит, налетая на них. То клочкотание геены огненной, точно перед задумчивым рабочим разверзаются в этой печи врата адавы» [Немирович-Данченко 1890: 253].

Таким образом, в очерках Немировича мы обнаруживаем не только с сознанием дела прописанную социальную и экономическую феноменологию Урала, но и уральскую онтологию и антропологию. Онтология Урала у Немировича приобретает черты сакральной реальности. Повествователь путешествует в поисках настоящего, подлинного, глубинного Урала. Так позднее герой повести «Веселые братья» Николая Гумилева отправится к таинственному городу в глубине уральских гор. Погружаясь в глубину Урала, Немирович попадает в «Храм Бессемера» (этим очерком завершается путешествие), где творится алхимическое таинство претворения черного чугуна в сияющую солнцеподобную сталь. Сакральным центром Урала оказывается металлургический завод.

В очерках Немировича есть видимое противоречие. Следуя конвенциям того же социологического реализма 1880-х гг., в русле которого работал Д. Н. Мамин-Сибиряк [Дергачев 2002: 8], Немирович трезво описывает, как хищнически организованная горнозаводская промышленность уничтожает природу Урала, он рисует жестокие картины обнищания и нечеловеческих условий труда на рудниках и заводах, вводит в повествование множество статистических данных, характеризующих масштабы производства и его финансово-экономические показатели, положение рабочих.

В то же время эстетически ему близка романтическая традиция с ее тягой к масштабным обобщениям, яркой образности, с чувствительностью к мифопоэтическому плану действительности. Его увлекает размах и поэзия горнозаводского дела. Оказывается, что на более глубоком уровне, онтологически, заводы связаны с этой суровой, мрачной и таинственной природой и выражают ее. В заводах и рудниках природа продолжается и обнаруживается в своем существе, они-то и вводят в ее глубь – в подземное царство.

Природа и производство в поэтике очерков В.И. Немирович-Данченко обнаруживают тайное сродство, он чувствует движение теллурических энергий в уральских ландшафтах. Поэтому для ландшафтно-пейзажных описаний В.И. Немировича-Данченко характерно подчеркивание динамики ландшафта, его готовности прийти в движение. Так, например, описывая панораму окрестностей Верх-Нейвинска с вершины Сухой горы, он заставляет двигаться горные гряды: «Кругом каймами, грядами, перепутавшимися узлами поднялись крутые горы. Одни кряжи хотят точно переброситься через другие, сливаются и снова разделяются, принижаются, чтобы тотчас же гордо выдвинуть остроконечный пик. Их то окутывают зеленые облака лесов, то серые скалы взрезывают их скаты снизу...» [Немирович-Данченко 1890: 640, 641].

И это не единичный пример, а тенденция к динамизации статичного ландшафта. Характерно в этом отношении, как Немирович использует клишированное сравнение покрытых лесом горных гряд с застывшими морскими волнами. Такое сравнение постоянно встречается и в описаниях Мамина. Но вот что происходит у Немировича, когда он, к примеру, описывает панораму окрестностей с «вышки коршуновской шахты» близ Кизела. «Точно волны океана застыли в момент спокойной зыби, так отлоги, так мягки эти горы, – начинает он описание традиционным сравнением, но тут же приводит риторические «волны» в движение: – Кажется, вот-вот они проснутся и покажутся зелеными грядами к каким-то неведомым берегам. И все эти шахты и заводы, как корабли, застигнутые ветром, заколышутся на мерно волнуемом просторе этого величавого моря». Еще большую пластическую убедительность картине пришедшего в движение ландшафта придает следующее свежее сравнение: «Вон между двумя, окаменевшими в форме гор волнами вынырнула и точно ждет попутного ветра, вся на виду, маленькая белая церковь, кажется уже распутившая свои паруса» [Немирович-Данченко 1890: 264]. Буквализация оживляет клишированный троп, и он дает важную смысловую проекцию: эти горы и леса полны внутренней жизни, динамики.

С таким внутренним динамизмом уральского ландшафта, его пульсацией, органически связан определенный тем же ландшафтом строй труда и производства. «Прииск в самой долине, – обводит взглядом повествователь золотой прииск под Невьянском. – Кругом вершины Урала, точно они надвигаются на нее отовсюду... В мгlistое время почудится, что кругом прииска не каменные горы, а обложили его тяжелые массы непроницаемых туч. Зато внизу кипит и шибко бьется всеми сво-

ими бесчисленными пульсами упорный труд человека» [Немирович-Данченко 1890: 674].

Органическое единство уральского ландшафта, его недр и человеческого труда объединяет очерки Немировича мыслью об Урале как целостном своеобразном мире, что и дало впоследствии основу для концепции горнозаводской цивилизации. В этом существенном В. И. Немирович-Данченко дополнял художественное исследование Урала в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка. Их трудами Урал из географической данности превращался в суггестивный топос русской литературы.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ в рамках проекта №15-14-59004 а(р) «Маршрутами российских первопроходцев: образно-географическая карта Урала в путевых отчетах ученых и писателей XVIII – начала XX вв.».

² В. И. Немирович-Данченко составил книгу, объединив, практически не редактируя, журнальные публикации очерков в порядке их появления в печати. Всего в книге 66 главок. Печатались они циклами в следующей последовательности: *Немирович-Данченко В. И.* Река былых лесов (летняя поездка по Каме] // Дело. 1877. № 2 (февраль). С.107–138 (будущие книжные главки с 1 по 4); *Немирович-Данченко В. И.* Урал (очерки и впечатления летней поездки] // Русская речь. 1881. №9. С.1–48; №10. С.1–50; №11. С.1–49; №12. С. 1–58 (главки с 8-й по 32-ю); *Немирович-Данченко В. И.* Река лесных пустынь (из поездки по Уралу] // Истор. вестник. 1882. Т. X (ноябрь). С. 241–274; Т. XI (декабрь). С. 501–541 (главки с 33-й по 42-ю); *Немирович-Данченко В. И.* Колыбель миллионов // Истор. вестник. 1884. Т. XVI (июнь). С. 465–486; Истор. вестник. 1884. Т. XVII (июль). С. 98–111 (главки с 56-й по 60-ю).

³ *Немирович-Данченко В. И.* Урал (очерки и впечатления летней поездки] // Русская речь. 1881. №9. С.1–48; №10. С.1–50; №11. С.1–49; №12. С. 1–58. Зарисовка, которую имеет в виду Мамин-Сибиряк, появилась в сентябрьском номере «Русской речи».

⁴ Ср. те же ламентации у Мамина: «...Чусовая – дикая река, и эта дичь пугает российских путешественников, художников и ученых. Они привыкли наслаждаться южным небом, красотами моря, а на Чусовой не встретишь шотландских коттеджей, ни швейцарских шале, ни итальянских вилл, ни поэтических развалин старинных замков и крепостей» [Мамин-Сибиряк 1951: 211].

⁵ С 1869 по 1874 г. В. И. Немирович-Данченко провел в ссылке в Архангельской губернии, где

служил в канцелярии архангельского губернатора. В губернском статистическом комитете он собирал сведения о народах Севера. По делам службы и личному почину он объездил весь край, и литературная известность Немировича началась с публикации очерков и рассказов о Севере. Вскоре отдельным изданием вышла книга «Соловки. Воспоминания и рассказы из поездки с богомольцами» (СПб., 1875). Чуть позднее он путешествовал по Волге и Каспийскому морю, впечатления о которых отразились в книгах «По Волге» (СПб., 1877) и «В море» (М., 1897). Иными словами, на Урал В. И. Немирович-Данченко приехал опытным литературным путешественником со своей образной картой России.

⁶ «По Чусовой, когда Ермак подымался, так лебедь ему показывал дорогу, впереди плыл, где отмели или камни, лебедь в сторону сворачивал, и атаман тоже забирал стороной. Поэтому по всему Уралу теперь лебеди в большой милости. До них никто не дотронется» [Немирович-Данченко 1890: 462].

⁷ «Направо ячейка. Сумрачный рабочий <...> возится в ней; рядом с ним трехлетняя девочка: бледная, большеглазая... <...> – Сиротка она, ответил за нее рабочий. – Жена у меня померла – оставить ее не на кого; ну, я и беру ее с собою, пока подрастет... Все она лопочет по-своему – мне и повеселей» [Немирович-Данченко 1890: 721].

⁸ «Десять полуштофов сегодня я с утра выпил и не пьян. И очень мне это обидно. Так мне это обидно, так обидно. Значит, я нутра снова решил-ся, и что ж мне теперь делать? Вытравил нутро-то. – Новое вставь! Железное. Из хорошего листового железа» [Немирович-Данченко 1890: 255].

Список литературы

Абашев В. В. Д. Н. Мамин-Сибиряк: У истоков геопозтики Урала // Урал. истор. вестник. 2009. №1(22). С.51–59.

Абашев В. В. Фирсова А. В. План местности: литература как путеводитель // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2010. Вып. 4 (10). С.98–104.

Анисимов К. В. Урал глазами путешественников: мифопоэтика, идеология, этнография // Литературный процесс на Урале в контексте историко-культурных взаимодействий: конец XIV – XVIII вв. Екатеринбург, 2006. С.21–51.

Вердеревский Е. А. От Зауралья до Закавказья // В Парме. Пермь, 1988. С.57–130.

Власова Е. Г. У истоков образа Урала: отчеты об ученых путешествиях конца XVIII в. // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т.2, № 2.

С. 159–171. URL: <http://www.gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/73> (дата обращения: 20.09.2015).

Дергачев И. А. Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка – историко-литературный парадокс // Изв. Урал. гос. ун-та. 2002. № 24. С. 5–8.

Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в литературном процессе 1870–1890-х гг. Новосибирск, 2005.

Евнина Е. М. Виктор Гюго // Гюго В. Девяносто третий год. Эрнани. Стихотворения. М., 1973. С. 5–29.

История литературы Урала. Конец XIV – XVIII в. М., 2012.

Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России. М., 2010.

Мамин-Сибиряк Д. Н. От Урала до Москвы. Путевые заметки // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 12 т. Свердловск, 1951. Т. 12. С. 131–287.

Моруа А. Олимпико, или жизнь Виктора Гюго. Минск, 1980.

Немирович-Данченко Вас. Ив. Кама и Урал (очерки и впечатления). СПб., 1890.

[Михайловский Н. К.] Рецензия на: Немирович-Данченко В. И. Подневольные странники. Очерки и рассказы. 2 тома. СПб., 1877; *Его же.* Страна холода. СПб., 1877. *Его же.* По Волге. Очерки и впечатления летней поездки. СПб., 1877 // Отечественные записки. 1877. № 3. С. 96–99. Вторая страница. (Новые книги).

Элиаде М. Азиатская алхимия. М., 1988.

Ottum L. Discriminating Vision: Rereading Place in Wordsworth's Guide to the Lakes // *Prose Studies*. 2012. Vol. 34, № 3. December. P. 167–184.

References

Abashev V. V. D. N. Mamin-Sibiryak: U istokov geopoetiki Urala [At the origins of geopoetics of the Urals]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural historical journal]. 2009. № 1(22). P. 51–59.

Anisimov K. V. Ural glazami puteshestvennikov: mifopoetika, ideologija, etnografija [The Urals through the eyes of travelers: mythopoetics, ideology, ethnography]. *Literaturnyj protsess na Urale v kontekste istoriko-kul'turnykh vzaimodejstvij: konets XIV – XVIII vv.* [Literary process in the Urals in terms of historical and cultural interactions]. Ekaterinburg, 2006. P. 21–51.

Dergachev I. A. Tvorchestvo D. N. Mamina-Sibirjaka – istoriko-literaturnyj paradox [D. N. Mamin-Sibiryak's creative work – historical and cultural paradox]. *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Ural Federal University Journal]. 2002. № 24. P. 5–8.

Dergachev I. A. D. N. Mamin-Sibirjak v literaturnom protsesse 1870–1890-kh gg. [D. N. Mamin-Sibiryak in the literary process of the 1870–1890s]. Novosibirsk, 2005.

Eliade M. Aziatskaja alkhimija [Asian alchemy]. M., 1988.

Evnina E. M. Viktor Gjugo [Victor Hugo]. *Giugo V. Devjanosto tretij god. Ernani. Stikhotvorenija* [Hugo V. Year 93rd. Hernani. Poems]. M., 1973. P. 5–29.

Istorija literatury Urala. Konets XIV – XVIII v. [History of literature of the Urals. The late XIV – XVIII centuries]. M., 2012.

Krylov M. P. Regional'naja identichnost' v Evropejskoj Rossii [Regional identity in European Russia]. M., 2010.

Mamin-Sibirjak D. N. Ot Urala do Moskvy. Putevye zametki [From the Urals to Moscow. Traveling essays]. *Mamin-Sibirjak D. N. Sobraenie sochinenij: V 12-ti tt.* [Collected works: in 12 vols.]. Sverdlovsk, 1951. Vol. 12. P. 131–287.

Maruois A. Olimpiko ili zhizn' Viktora Gjugo [Olympio: the life of Victor Hugo]. M., 2011.

[Mikhajlovskij N. K.] Retsenzija na: Nemirovich-Danchenko V. I. Podnevol'nye stranniki. Oчерки i rasskazy. 2 toma [Review of: Nemirovich-Danchenko V. I. Forced strangers. Essays and stories]; *Strana kholoda* [The country of cold]; *Mikhajlovskij N. K. Po Volge. Oчерки i vpechatlenija letnej poezdki* [Along the Volga river. Essays and impressions of the summer journey]. *Otechestvennye zapiski* [Domestic proceedings]. 1877. № 3. P. 96–99.

Nemirovich-Danchenko V. I. Kama i Ural (oчерки i vpechatlenija) [The Kama and the Urals (essays and impressions)]. SPb., 1890.

Ottum L. Discriminating Vision: Rereading Place in Wordsworth's Guide to the Lakes // *Prose Studies*. Vol. 34. № 3. December 2012. P. 167–184.

Rose G. Place and Identity: A Sense of Place // *A Place in the World*. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 87–132.

Verderevskij E. A. Ot Zaural'ja do Zakavkaz'ja [From the Transurals to the Transcaucasus]. V *Parme* [In Parma]. Perm, 1988. P. 57–130.

Vlasova E. G. U istokov obraza Urala: otchety ob uchjonykh puteshestvijakh kontsa XVIII v. [At the origins of the image of the Urals: reports on scientific travels of the late XVIIIth century]. *Kul'turnaja i gumanitarnaja geografija* [Cultural and humanitarian geography]. 2013. Vol. 2. № 2. P. 159–171. Available at: <http://www.gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/73>.

«SAVAGE BEAUTY AND TENEBROUS GRANDEUR...».
A PANORAMA OF THE URALS IN
VASILY I. NEMIROVICH-DANCHENKO'S TRAVEL WRITINGS

Vladimir V. Abashev

**Professor in the Department of Journalism and Mass Communication
Perm State University**

The article is devoted to Vasily I. Nemirovich-Danchenko's book «The Kama and the Urals» («Kama i Ural», 1890) describing his travels in 1875. The Ural travelogue of Nemirovich has become an important stage in the formation of the geo-poetical image of the region that was significant for Russia's history. The article explores key features of this image. The basic principle of the development of the Urals' image in Nemirovich's essays is the technique of panoraming. The panoramic effect is created not only through the unprecedented coverage of the region's area. Landscape descriptions are also constructed according to the panoramic model. One of Nemirovich's favourite techniques is to describe the surrounding countryside as if from a dominant height, which allows the author to include the adjacent territories into his itinerary. Intensive use of stories told by other narrators, especially tales of the local cultural heroes, like Yermak, the Stroganovs, the Demidovs, widens the temporal horizon of the narrative. They are mining plants that turn out to be the focus of the Ural identity in Nemirovich's essays. While describing the mining industry – mines and metallurgical processes – the author not only shows a great deal of awareness and acute observation, but also gives rein to his poetical imagination. He tells about iron recasting and steelmaking in terms of cosmogony and alchemy, and thus comes close to creating a particular mythopoetics of the Urals. The essays of V.I. Nemirovich-Danchenko supplemented literary exploration of the Urals in works by D.N. Mamin-Sibiriyak. Through their writings, the Urals were transformed from geographic entity into a suggestive topos of Russian literature.

Key words: V.I. Nemirovich-Danchenko; D.N. Mamin-Sibiriyak; geo-poetics; literary image of the Urals.